

DOI 10.25991/VRHGA.2019.20.3.043

УДК: 342.71(091)(47+57)»175»

*Т. В. Артемьева**

КОНЦЕПТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ДВОРЯНСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Статья посвящена анализу концептов политической философии в сочинениях дворянских мыслителей эпохи Просвещения. Проанализирован объемный материал: теоретические сочинения, государственные документы, переписка. Были использованы методы дигитального анализа. Объектом исследования стали такие понятия политической философии, как «революция / контрреволюция», «свобода», «воля», «прогресс», «гражданское общество», «республика» и др. Многие из них имели значение, отличное от современного, не совпадающее с употреблением аналогичных понятий в европейских языках того времени, иногда понятия европейской политической лексики не имели адекватного эквивалента в русском языке, их значения могли меняться в зависимости от языковых предпочтений мыслителя, его ориентации на определенные языковые коды и традиции. Делается вывод о необходимости учета исторической изменчивости смыслов категориального аппарата философии эпохи Просвещения в современных исследованиях.

Ключевые слова: дворянский дискурс, эпоха Просвещения, Россия, революция, свобода, прогресс, гражданское общество.

T. V. Artemyeva

CONCEPTS OF POLITICAL PHILOSOPHY IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN NOBILITY IN THE ENLIGHTENMENT

The article analyzes concepts of political philosophy in works of noble thinkers of the Enlightenment. A large number of sourced that includes essays, governmental documents, correspondence was examined by methods of digital analysis. The objects of the study are concepts of political philosophy “revolution/counterrevolution”, “freedom”, “will”, “progress”, “civil society”, “republic”, etc. Many of these concepts had different meanings in the Russian

* Артемьева Татьяна Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; tatart@mail.ru

language of that time, and they did not coincide with similar concepts in European languages. Sometimes concepts of the European political vocabulary had no equivalent in Russian. Meaning of terms could vary depending on language preferences of the thinker, his orientation to certain language codes and traditions. The historical variability of philosophical concepts' meanings of the Enlightenment should be taken into account in modern studies in history of philosophy.

Keywords: discourse of the nobility, the Enlightenment, Russia, revolution, freedom, progress, civil society.

Интерес к вопросам социальной и политической философии обратил внимание исследователей на проблему ключевых концептов, через призму которых проходит осмысление традиций и динамики развития идей, связанных с общественным переустройством. Лингвистический поворот от Л. Витгинштейна до Р. Рорти, исследования в области истории идей Ф. Боаса и А. Лавджоя, К. Скиннера и Дж. Покока? история понятий Райнхарда Козеллека и др. сформулировали ряд методов и подходов, дающих возможность для анализа философских концептов. Всплеск исследований, демонстрирующих этот интерес в контексте интеллектуальной истории России в последние годы (см.: [1; 9; 12; 15; 16; 23; 30; 32; 33; 37; 39; 45; 46]), показал необходимость и важность адекватного понимания текстов, отстраненных от современного исследователя значительными временными и социокультурными интервалами.

Появление новых дигитальных инструментов анализа позволяют уточнять значения базовых категорий и понятий и исследовать их в контексте интеллектуальной культуры эпохи. Современные исследования лексики и понятийного аппарата уже не могут ограничиваться текстами, выбор которых основан на интуициях исследователя. «Всеобщая дигитализация» сделала возможным анализ достаточно обширных массивов, и, хотя тексты эпохи Просвещения на русском языке пока не представлены с достаточной репрезентативностью ни на одном ресурсе, определенные результаты могут быть получены уже в настоящее время. Выводы, представленные в этой статье, получены на максимально обширном материале: использованы возможности Национального корпуса русского языка, соответствующий временной сегмент ресурса «GoogleBooks», оцифрованные собрания сочинений различных авторов, дающие возможность производить поиск по всем массивам текстов, а не только по отдельным произведениям, словари, в т. ч. языковые словари того времени. Объектом анализа стали понятия политической философии, такие как «революция», «свобода», «воля», «прогресс», «гражданское общество», «республика» и др.

Анализ показал, что в контексте политической мысли эпохи Просвещения многие из этих понятий имели другое значение, иногда несколько значений, не совпадающих с современным словоупотреблением, иногда использовался другой термин. Некоторые понятия принадлежали одновременно настолько разным сферам, что их пересечение кажется едва ли не случайным. Таким является понятие «свобода». Мною было выявлено более сорока его значений. Различные смыслы этого понятия могли использоваться одним и тем же автором. И. В. Лопухин, например, пишет о «буйной свободе», которая сочетается с «мнимым» и «мечтательным» равенством («Равенство! Свобода буйная! Мечты порожденные тусклым светильником лжемудрия...» [14, с. 25]), и истинной сво-

боде («...Есть свобода истинная живоносным дровом добродетели рождаемая и священной властью царей и законов даруемая» [14, с. 38]), которая даруется небесным Отцом и земным правителем. Это свобода воли и прежде всего свобода следовать добродетели: «Свобода рождать в душе чистые бессмертные плоды добродетели, есть единый неисчерпаемый источник небесной свободы, бездною блага изливаемый» [12, с. 43]. Лопухин, как и другие масоны, использовавшие концепт «свобода» в своем самоназвании (свободные каменщики), были чувствительны к смыслу понятия, составлявшего центральную часть их учения. Как было написано в одном из масонских изданий «Херувимского странника» Ангела Силезского, «Свобода нас губит, свобода избавляет, Свобода вяжет нас, свобода и венчает» [25]. В масонском тексте «Письма к господину Г.» отмечается, что «никакое слово не злоупотребляемо было столько, как слово свобода» [21, с. 40]. «В метафизическом смысле это действия, управляемые случайностью, в моральном — соответствие законам Натуры, в социальном — соответствие законам «общественною пользою назначаемым» [21, с. 41]. Следовательно:

Тот только действительно свободен, кто разумен и добродетелен, или кто повинуется законам и исполняет свои должности. Из сего следует, что свобода и равенство в морали равнозначительные суть выражения. Всякий справедливый и умеренный образ правления основан на свободе, ибо подлинный его предмет есть тот, чтоб всякого гражданина обезопасить свободном и спокойном употреблении его имущества, а всем знаменовании свобода есть право, всеми человеками при рождении от натуры получаемое... Всякое чувствования, даже и любовь, ни совершенно, ни действительно не бывает, если оно не свободно [21, с. 41].

М. В. Ломоносов к традиционным политическим и моральным смыслам понятия «свобода» добавляет орфографический. В споре с В. К. Третьяковским, полагавшим, что имена прилагательные, местоимения и причастия мужского рода, кончающиеся на -ый и -ий, должны оканчиваться в именительном падеже множественного числа на -ьи и -ии, Ломоносов просит «от И свободы» [13, т. 8, с. 542]. В сочинении «Проект иллюминации к тезоименитству ея императорскаго величества сентября 5 дня 1754 году» Ломоносов дважды говорит о свободе — один раз обозначая так незанятое пространство [13, т. 8, с. 554], а второй — отсутствие социального давления [13, т. 8, с. 555]. Он также подразумевает под свободой наличие социального лифта [13, т. 8, с. 677], уничтожение внутренних таможен [13, т. 8, с. 679], отсутствие нравственных ограничений [13, т. 8, с. 682], просвещение и образование, открывающие новые возможности [13, т. 8, с. 682]. Чтобы не быть голословной, попробую подтвердить каждую из граней определения свободы соответствующими ссылками. В сочинениях Ломоносова понятие свободы может означать также:

- секуляризацию и деидеологизацию индивидуального мнения. Этот смысл содержится в самом названии его работы «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии» (думаю, что точнее было бы «свободы философу», т. к. в оригинале «la liberté de philosopher»);

- злоупотребление этой возможностью: «...Злоупотребление этой свободой причинило очень неприятные беды, количество которых было бы далеко

не так велико, если бы большинство пишущих не превращало писание своих сочинений в ремесло... вместо того чтобы поставить себе целью... разыскание истины» [13, т. 3, с. 217];

- определенное состояние частиц материального тела: «Это, однако, может происходить лишь в таком теле, которое свободно от сцепления частей» [13, т. 3, с. 221];

- отсутствие физических препятствий: «...И только желтый и голубой эфир, обращаясь, свободно действовать станут в оптических нервах на ртутную и горючую материю». [13, т. 3, с. 333];

- возможность беспрепятственного передвижения: «И Шереметев, став на оном берегу, / Отсюда запер путь к спасению врагу... / Свободной выход всем без бою обещает» [13, т. 8, с. 723];

- возможность реализации какой-то задачи: «...Кто к чему привык, от того отвратить трудно; напротив того, большую к тому же возбудить склонность весьма свободно» [13, т. 7, с. 168];

- ограничение обязанностей: «...Освобождаем всех особ, ученое сие собрание составляющих, собственные или наемные дома, в коих они жительство имеют действительно сами, от постоев и от всех полицейских должностей» [13, т. 10, с. 161];

- возможность восстановить силы в результате интенсивной умственной деятельности: «В благоустроенных европейских академиях и училищах по-зволается учащим и учащимся летнее прохладение и отдохновение, дабы в течении трудов годичного обращения на несколько освободиться от утомления мыслей» [13, т. 10, с. 162];

- весь комплекс организации академического сообщества, как отдельного и специфического образования: «...Того ради торжественно сим призываем всемилоостивейше из всех народов желающих снискать в сей нашей Академии преподаемые учения и пользоваться данными свободами и преимуществами» [13, т. 10, с. 165];

- ограничения, накладываемые болезнью: «Тяжкая моя болезнь, снова усилившись в другой ноге, не дает мне покоя и свободы не токмо из дому, но ниже и с постели вытти» [13, т. 10, с. 559];

- результат физических процессов: «Чем более вода нагревается, тем легче освобождается из нее воздух» [13, т. 1, с. 111–112];

- возможность открытого выражения эмоций: «Радость есть душевное усаждение в рассуждении настоящего добра, подлинного или мнимого. Сия страсть имеет три степени. В самом начале производит немалое, однако, свободное движение и играние крови, скакание, плескание, смеяние» [13, т. 7, с. 171];

- беспрепятственное выражение собственного мнения: «...Не признаю никакого измышления и никакой гипотезы, какой бы вероятной она ни казалась, без точных доказательств, подчиняясь правилам, руководящим рассуждениями. Сам Вольф писал о свободе философствования» [13, т. 1, с. 111–115];

- отсутствие предубеждения: «...Уверяют всякого от предупрежденных мыслей свободного человека» [13, т. 3, с. 334];

- естественное физическое явление: «...Тело, которое живым и свободным пламенем воспалается» [13, т. 3, с. 1765];

• естественные условия: «...Голубой и желтый на свободе, производят цвет зеленый» [13, т. 3, с. 341];

• выздоровление, избежание опасности: «...Видя близко смерть, дают богу обещание, что ежели от нее свободятся, немедленно принесут жертву» [13, т. 6, с. 183];

• социальная независимости и возможность ее утраты при определенных условиях: «...Свободные люди, повинующиеся за плату» [13, т. 6, с. 64].

Обсуждая диссертацию Г. — Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского», ученые затронули вопрос о причине переселения славянского племени на север. Ломоносов пишет, что оно совершило это переселение, «побуждаемое любовью к свободе» [11, т. 6, с. 70], Миллер же настаивает на том, что оно получило свободу в результате изгнания римлянами. В данном случае понятие свободы как политической и экономической независимости от более сильного государства меняет свой смысл. У Ломоносова он ориентирован на наличие у славян любви к свободе, что, по сути, является моральным качеством, или гражданской добродетелью, прочитывающейся в контексте морально-политических теорий XVIII в. и не характерных для Древнего мира, а у Миллера фиксирует отсутствие (или наличие) зависимости одного социального образования от другого.

Свобода может означать не отсутствие зависимости, а меньшую зависимость. Так, например, в «Древней Российской истории» Ломоносов пишет: «Олег ходил с войском для освобождения северян и положил на них дань легкую» [13, т. 6, с. 221].

Иными смыслами наделялось и понятие «революция». Устойчивая традиция использовать его для характеристики общественно-политических идеалов мыслителей века Просвещения сформировалась после Октябрьской революции, идеологи которой старались найти исторические аналоги происходящим событиям для того, чтобы продемонстрировать их закономерный характер. Так стал «первым русским революционером» А. Н. Радищев, хотя сами термин «революция» он не использовал вообще. Говоря о событиях во Франции, Радищев пишет не о «революции», а о «перемене 1789 года» [26, с. 347]. Вопреки сложившемуся мнению, Радищев достаточно критически оценивал результаты такой «перемены». Так, рассуждая о цензуре, он пишет, что она не исчезла и в эпоху «вольности»:

Ныне, когда во Франции все твердят о вольности, когда необузданность и безначалие дошли до края возможного, цензура во Франции не уничтожена. И хотя всё там печатается ныне невозбранно, но тайным образом. Мы недавно читали, да возплачут Французы о участи своей, и с ними человечество! мы читали недавно, что народное собрание, толико же поступаая самодержавно, как доселе их Государь, насильственно взяли печатную книгу, и сочинителя оной отдали под суд, за то, что дерзнул писать против народного собрания. Лафает был исполнителем сего приговора. О Франция! ты еще хождаеш близ Бастильских пропастей [26, с. 347].

Характеризуя примеры насильственных общественно-политических выступлений, он использовал понятие «бунт».

Семантическое различие понятий «революция» и «бунт» заключалось в том, что последнее обозначало кратковременное нарушение общественно-го порядка, а не изменения с их последующим сохранением. В этом смысле И. М. Долгоруков писал о трагических событиях в Москве во время эпидемии чумы, когда разъяренной толпой был убит архиепископ Амвросий (Зертис-Каменский), велевший убрать икону Божией Матери во избежание распространения инфекции: «Открылся общенародный бунт, и 14 сентября московский архиерей, служивший в Донском монастыре литургию, убит разъяренной сволочью» [3, ч. 1 с. 25].

На русском языке термин «революция» получил распространение в самом конце XVIII в. В «Новом словотолкователе» Н. М. Яновского (1803–1806) революцией называется: «Внезапная перемена в правлении какого народа, произведенная сильным потрясением всего общественного тела для установления другого порядка вещей» [40, ч. 3, стб. 516]. Более ранние словари дают абстрактное, иногда внеполитическое определение. «**Полный французской и российской лексикон**» (1778) называл «перемену» в качестве первого значения понятия *révolution*, а «Новый словарь английский и российский» (1784) как вообще единственное для *revolution* [8].

В текстах, написанных российскими авторами на французском языке, понятие *révolution* встречается довольно часто, как это было, например, в общественно-политических сочинениях Екатерины II или «Записках» Е. Р. Дашковой, которая характеризует государственный переворот 1762 г. как *révolution*.

В записке о восстановлении во Франции монархии, написанной Екатериной II в 1792 г. на французском языке, не используется термин *révolution*. Императрица предпочитает говорить о *rébellion* — возмущении (бунте, мятеже) [4]. Вместе с тем она пишет о контрреволюции (*contre-révolution*) [4] как о системе мероприятий, способствующих устранению беспорядка и произвола. Термин *contre-révolution* она использовала не раз, например, в письмах российскому дипломату графу Отто Магнусу фон Штакельбергу [6; 35; 39; 42, прим.].

В переписке с Гриммом Екатерина пренебрежительно называла Французскую революцию *egrillarde* [2, с. 20]. До Французской революции, императрица употребляла понятие *révolution* по отношению к событиям более упорядоченным, не связанным с хаосом и разрушением государственных и общественных институтов. Выражение «революция» она использует, когда говорит о любых политических переворотах. Так, в 1772 г., описывая установление Густавом III абсолютной монархии, она отмечает, что «королю счастливою революцією удалось схватить неограниченное почти самодержавие» [7, с. 221].

Дворцовые перевороты часто обозначались понятием «революция». В переписке Н. И. Панина мы можем обнаружить, что так он называл государственный переворот в Дании в 1772 г. [20, с. 11–12], когда был арестован фаворит королевы Каролины-Матильды Иоганн Фридрих Струэнзе, сосредоточивший в своих руках почти неограниченную власть, события в Швеции [19, с. 215], в результате которых власть была захвачена Густавом III (Екатерина назовет эти события даже «счастливою революцией» [7, с. 221]).

Н. М. Карамзин употреблял понятие «революция» часто и в достаточно широком контексте. Так, например, он пишет о Реформации как о «великой

нравственной революции» [11, с. 37]. Устойчивое выражение «французская революция» встречается в его текстах довольно часто. Понятие «революция» он использует для обозначения события, в то время как понятие «бунт» отражает скорее его отношение к нему, например:

Везде в Эльзасе приметно волнение. Целые деревни вооружаются, и поселяне пришивают кокарды к шляпам. Почтмейстеры, постиллионы, бабы, говорят о революции. А в Стразбурге начинается новый бунт. Весь здешний гарнизон взволновался. Солдаты не слушаются Офицеров, пьют в трактирах даром, бегают с шумом по улицам, ругают своих начальников и пр. [11, с. 94].

Вместе с тем у него можно найти выражения «ужасы революции» [11, с. 224], «гром революции» [11, с. 225]. Устойчивое выражение «французская революция» встречается в «Письмах русского путешественника» несколько раз. Предостерегая от революционных выступлений, Карамзин замечает:

Народ есть острое железо, которым играть опасно, а революция — отверстый гроб для добродетели и — самого злодейства. Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан, и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку [11, с. 226–227].

В первом томе «Истории государства Российского» он пишет:

Правители, законодатели действуют по указаниям истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье [10, с. IX].

Интересно, что в разное время Карамзин пользуется различной орфографической символикой. Лотман и Успенский в статье «Текстологические принципы издания» отмечают:

Стоит проследить, как Карамзин в ранней редакции «Писем» пишет слово Революция с заглавной буквы, затем в промежуточных редакциях переходит на строчную, чтобы в последней восстановить первоначальный вариант [11, с. 519].

Понятие «революционер» как обозначение активного участника и организатора радикальных событий общественной жизни возникает уже в XIX в. как в русском, так и во французском языках. Словарь Французской академии 1762 г. его не фиксирует, а вот в издании 1835 г. он уже есть [44, t 2, p. 660]. В русском языке до начала XIX в. использовалось слово «бунтовщик». «Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот», — пишет Н. М. Карамзин [11, с. 227]. Екатерина называет «бунтовщиком» А. Н. Радищева. «Сказывать изволила, — пишет Храповицкий, — Что он бунтовщик хуже Пугачева, показав мне, что в конце хвалит Франклина, как начинщика и себя таким же представляет» [38, с. 227].

Таким образом, употребление центрального понятия радикального политического лексикона несколько изменилось за последние три столетия, что

заставляет задуматься над необходимостью адекватного понимания текстов мыслителей эпохи Просвещения, необходимого для правильной оценки их взглядов.

Порой авторы не находили в русском языке эквивалентов, соответствующих понятиям европейской политической мысли. Это особенно очевидно при анализе переводов. Так, например, в начале XIX столетия было издано сочинение А. Фергюсона «Опыт истории гражданского общества». Оно было переведено с английского Иваном Тимковским [36]. Сам термин «гражданское общество» вошел в российский политический обиход задолго до публикации русского перевода знаменитого сочинения шотландского мыслителя, хотя имел в нем несколько иное, «дофергюносовское» значение. В статье «Гражданский» «Словаря русского языка XVIII века» [31, с. 214–216] отмечается несколько примеров использования этого понятия: «сообщество гражданское», «гражданское общество», «гражданский класс». **Это понятие проникло и в церковную среду:**

Общество гражданское есть собрание людей едиными законами и единым образом правления соединенное: но то же самое общество, поелику соединено и хранением единого образа богопочтения, и едиными и теми же связано священными обрядами, есть церковь [22].

Понятие «гражданское общество» используется в переводе на русский язык «Наказа» Екатерины II в статье 14 второй главы и в статье 250 одиннадцатой главы [5]. Так как оригинал был написан Екатериной по-французски — это перевод выражения *société civile* [44, с. 72]. Н. И. Новиков также использует выражения «гражданское общество», «гражданский класс» [17].

Как было отмечено в статье «Общество гражданское» М. Риделем, понятие «гражданское общество» с конца XVIII — начала XIX в. стало иметь двойное значение. Если до того оно отождествлялось с понятием «государство», то позже стало ему противопоставляться [30, т. 2 с. 95]. Если с переводом первого, наиболее старого значения этого понятия проблем не возникало, то тот смысл понятия «гражданское общество», который вкладывал в него Фергюсон, понять и перевести было гораздо сложнее.

В рукописном отделе Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга хранится рукопись практически завершеного перевода первого тома и неполный черновик второго тома книги А. Фергюсона «Начала нравственных и государственных познаний» [35]. (*Principles of Moral and Political Science* [42]), сделанного В. И. Созоновичем с английского оригинала в 20–30-е гг. XIX в.

В переводе работы Фергюсона «Наставления нравственной философии», сделанном ранее, Созонович переводит *civil society* и как «гражданское общество» [34, с. 195], и как «гражданское общежитие» [34, с. 28, прим.]. В «Началах нравственных и государственных познаний» он также переводит *society* как «общежитие» [35, л. 46].

Определенные сложности возникли у переводчика со словом *progress*. Весь спектр выражений с корнем *progress* переводится сочетаниями с корнем «спе», например *progressive being* [43, p. 199] он переводит как «спеющее существо» [35, л. 309, 327], названия второго отделения третьей главы «Of the Principles of

Progression in Human Nature» [42, p. 204] — «О начале спеяния в человеческой природе» [35, л. 333].

Понятие «прогресс» в XVIII — первой половине XIX в. было сравнительно новым, в «Словаре Академии российской» оно отсутствует, в англо-русском словаре П. И. Жданова 1784 г. используется в значениях «успех» и «путь, поездка» [8, б. с.], в словаре Н. М. Яновского упоминается не общественно-политическое значение этого понятия, а только математическое [40, стб. 461–462]. Поэтому понятие стремление переводчика найти подходящий эквивалент. Однако понятия «спеющий» и «прогрессивный» неэквивалентны в принципе. «Спеть» означает изменяться вплоть до достижения состояния зрелости. В «Словаре Академии российской» «спелый» — это «зрелый, могущий быть употреблен в пищу» [29, ч. V, стб. 680], т. е. это значение фиксирует результат, в то время как английское progress не предполагает конечного результата, а фиксирует скорее процесс, движение.

В русском издании «Опыта истории гражданского общества» Фергюсона дается неоднозначное толкование понятия «прогресс». Так, название шестого отдела шестой книги Фергюсона «Of the Progress and Termination of Despotism» [41, p. 495] переводится как «О успехах и окончании верховного своевластия (деспотизма)» [36, с. 220]. В самом тексте progress чаще всего переводится именно как «успех», что соответствует первому значению словаря П. И. Жданова.

Исследование философского и политического словаря эпохи Просвещения показывает, что значение центральных понятий сильно менялись со временем, а потому должны быть реконструированы и осмыслены. Они непременно должны учитываться в современных исследованиях, а также в научных изданиях текстов XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016.

2. Грот Я. К. Екатерина II в переписке с Гриммом. — СПб., 1878. — 44 с.

3. Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-м году моей жизни: ч. 1–2 (1788–1822). — СПб.: Наука, 2004–2005. — Ч. 1. — 816 с.; Ч. 2. — 727 с. 4. Екатерина II. Записка императрицы Екатерины II о мерах к восстановлению во Франции королевского правительства» // Русский архив, 1866. — Вып. 2. — URL: <http://bibliotekar.ru/reprint-58/index.htm> (дата обращения: 04.07.2019).

5. Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения. — СПб., 1767. — URL: <https://www.prlib.ru/item/428545> (дата обращения: 06.07.2019).

6. Екатерина II. Письма Екатерины II к графу Стакельбергу. 1773–1793 / [Сообщ. гр. О. О. Стакельберг и гр. Э. К. Чапский; предисл.: М. Семевский]. — СПб.: Печ. В. Голвина, [1871]. — 62 с.

7. Екатерина II. Рескрипт Императрицы к А. М. Обрескову // Сборник Императорского Русского исторического общества. — СПб., 1904. — Т. 118. — С. 220–222.

8. Жданов П. И. Новой словарь английской и российской. — СПб.: Тип. Морского шляхетского кадетского корпуса, 1784.

9. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. — М.: НЛО, 2001.
10. Карамзин Н. М. История государства Российского. — СПб.: Тип. Н. Греча, 1818. — Т. I.
11. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. — Л., Наука, 1984.
12. Козловская Н. В. Русская философская терминология конца XIX — начала XX в. — СПб: САГА, 2017.
13. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. и писем: в 11 т. — М.; Л.: АН СССР, 1950–1983.
14. Лопухин И. В. Излияние сердца, чтущаго благость единоначалия и ужащающегося, взирая на пагубные плоды мечтания равенства и буйной свободы: С присокуплением нескольких изображений душевной слепоты тех, которые не там, где должно, ищут причин своих бедствий. Писано россиянином, сочинившим Разсуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и проч., напечатанное в 1780 году. — М.: Тип. Пономарева, 1794. — 64 с.
15. Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. — М.: Наука, 2008.
16. Марасинова Е. Н. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 508 с.
17. Новиков Н. И. Избранные произведения. — М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1951. — URL: <http://www.rvb.ru/18vek/novikov/toc.htm> (дата обращения: 04.07.2019).
18. Храповицкий А. В. Памятные записки А. В. Храповицкого, статсъ-секретаря императрицы Екатерины Второй. — СПб: Университетская тип., 1862. — 317 с.
19. Панин Н. И. Письмо графа Н. И. Панина в Копенгаген к поверенному в делах И. Местмахеру от 26 января 1772 // Сборник Императорского российского исторического общества. — 1904. — Т. 118. — С. 11–12.
20. Панин Н. И. Письмо графа Н. И. Панина к графу Г. Г. Орлову и И. А. М. Обрескову // Сборник Императорского российского исторического общества. — 1904. — Т. 118. — С. 215.
21. Письма к господину Г. Магазин свободно-каменщицкой: Содержащий в себе: речи, говоренныя в собраниях; песни, письма, разговоры и другия разныя краткия писания, стихами и прозою. — М.: В типографии И. Лопухина, с указнаго дозволения, 1784. — Т. 1, ч. 1–2.
22. Платон (Левшин). Слово в день рождения Ея Императорскаго Высочества Благочестивейшия Государыни Екатерины Алексеевны Самодержицы Всероссийския (1772) Поучительные слова и другие примеры от Московскоя Академии выпечатанные. — М., 1780. — URL: <http://old.stsl.ru/lib/platon2/index.php> (дата обращения: 04.07.2019).
23. «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: в 2 т. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.
24. Поп А. Опыт о человеке. — М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1757. — 74 с.
25. Прибавление к Московским ведомостям. — М., 1783.
26. Радищев А. Н. Полн. собр. соч. — М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1938. — Т. 1: Путешествие из Петербурга в Москву.
27. Райские цветы, помещенные в седми цветниках. — Б. м.: Salamandra P. V.V., 2010. — 80 с. — PDF. — (Gemmamagica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. I). — URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Райские_цветы,_помещенные_в_седми_цветниках/5 (дата обращения 04.07.2019).
28. Рассуждение о начале и основании гражданских общежитий. — М.: Тип. при Театре, у Хр. Клаудия, 1787. — 116 с.

29. Словарь Академии Российской: ч. 1–6. — СПб.: Имп. Академия наук, 1789–1794.
30. Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: в 2 т. — М.: Новое литературное обозрение, 2016.
31. Словарь русского языка XVIII века. — Л.: Наука, 1984. — Вып. 5.
32. Тимофеев Д. В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. — Челябинск: Пирс, 2006. — 200 с.
33. Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного русского подданного первой четверти XIX века. — Челябинск: Энциклопедия, 2011.
34. Фергюсон А. Наставления нравственной философии. — СПб.: Печатано в тип. Шнора, 1804. — 292 с.
35. Фергюсон А. Начала нравственных и государственных познаний // РО РНБ. — Фонд ОСРК Фергюсон. F.III 44/1.
36. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества // Соч. Адама Фергюсона / с англ. пер. Иван Тимковский: Ч. 1–3. — СПб.: В тип. Гвардейского штаба, 1817–1818.
37. Хархордин О. В. Основные понятия российской политики. М.: НЛЮ, 2011. — 328 с.
38. Храповицкий А. В. Памятные записки А. В. Храповицкаго, статсъ-секретаря императрицы Екатерины Второй — СПб.: Университетская тип., 1862. — 317 с.
39. Что такое республиканская традиция: сб. статей. — СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2009.
40. Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: содержащий разные в русском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины: ч. 1–3. — СПб., 1803–1806.
41. Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. — Philadelphia: William Fry, Printer, 1819.
42. Ferguson A. Principles of Moral and Political Science; being chiefly a retrospect of lectures delivered in the College of Edinburgh: in 2 vols. — Edinburgh; London: Printed for A. Strahan and T. Cadell, and W. Creech, 1792.
43. Catherine II Instruction de sa Majesté Impériale Catherine II, pour la commission chargée de dresser le projet d'un nouveau code de loix. — Saint Petersburg: Imprimerie de l'Académie des Sciences, 1769.
44. Révolutionnaire // Dictionnaire de l'Académie Française. — Paris: Institute de France, 1835.
45. Whittacker C. Russian Monarchy: Eighteenth Century Rulers and Writers in Political Dialogue. — DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. — 320 p.
46. Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. — DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. — 296 p.